

# **МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ КОНСУЛЬТАЦИОННОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ**

д. пс. Н., проф. Анисимов О.С.

*Российская академия госслужбы при Президенте РФ, г. Москва*

Возникновение акмеологической науки, кафедр акмеологии, научной специальности «акмеология и психология профессиональной деятельности» в начале 90-х гг. XX в. в России (А.А.Бодалев, Н.В.Кузьмина, А.А.Деркач и др.) стало фактором качественной трансформации взглядов на любой тип профессиональной деятельности. Односторонние, прежде всего, эргономические, инженерно-психологические и т.п. исследования и разработки второй половины XX в не входили в сам механизм профессионального совершенствования и самосовершенствования, в анализ механизмов приходимости к высшим формам профессионализма и высшим достижениям. Тем более что актуальность таких популярных профессий, как спортсмен, тренер, педагог, ученый и т.п. традиционно становившихся объектом изучения и совершенствования все же оставалась локальной и привязанной к сложившимся «установкам», отношениям к этим процессам. Переход к «любой профессии», «общим закономерностям» прохождения человеком его пути к высшим уровням профессионализма, к высшим достижениям составлял общую основу качественного изменения подхода к разработкам. Более конкретная линия трансформаций коснулась наиболее значимой для общества профессии – управленца. Вступив в период судьбоносных для страны реформ, переживая все плюсы и минусы реформенного периода, следя за быстрым ростом значимости профессионализма управленцев в едином движении страны и отдельных людей к новым светлым вершинам, наука стала быстро накапливать свой и учитывать чужой опыт управления и профессиональных траекторий. Управленческому сообществу и обществу в целом становилось все более ясным и очевидным две судьбы: либо «все» будут счастливы успешностью и качеством управленческой деятельности, либо останутся заложниками управленческой неуспешности и количества управленческих усилий.

Гораздо менее очевидным оставалось сознание зависимости общего успеха и успеха управленческой деятельности от качества, уровня профессионализма консультационного обеспечения, принятия управленческих решений (см. также Дудченко 2006). Все привыкли к быстрому росту количества консультантов и консультационных организаций, а также аналитических структур. Одних «ситуационных центров» в России больше сотни, и их число с неизбежностью будет расти по «естественным» законам рынка

до полного насыщения. Примерно так же росло количество вузов, иных образовательных учреждений, уходящих в рыночное пространство. Однако надеяться лишь на естественные закономерности выживания в условиях рынка и ожидать условий для рассмотрения проблем качества аналитических, консультационных усилий нехарактерно для управленческой позиции, особенно в государственном управлении. Естественная динамика является лишь морфологической стороной системного процесса в социокультурных, деятельностных, культурных, духовных пространствах бытия общества. Если бы не было рефлексивного сопровождения, роста рефлексивного потенциала людей, сообществ, общества в целом, не возникло бы и современного деятельностного слоя бытия, производств, деятельностных коопераций, современных объединений, корпораций, единых научных комплексов и т.п.

История дает достаточно большой материал консультационно-аналитического сопровождения принятия решений правителями прошлого. Достаточно почитать Фукидида, Геродота, Тацита, Полибия и др. можно проанализировать историю военной мысли, политической мысли и др. линии рефлексии управления и заметить положительный и отрицательный опыт консультационно-аналитического сопровождения. Однако в XX веке возникли предпосылки перевода таких усилий в русло форм «производства» с соответствующей ответственностью, введением деятельностных требовательных рамок. В конце XX в., в связи с распространенностью стратегического управления в экономике и др. сферах, появилась консультационно-аналитическая «индустрия» (см. также: Анисимов 2006). И ее особым выражением стало размножение аналитических институтов, консультационных центров, ситуационных центров и т.п., обеспеченных современной информационно-технической базой. Поскольку консультационно-аналитическая деятельность сохраняет свое специфическое, утонченное, субъективно-сокровенное бытие, то индустриализация выделилась лишь в поверхностном слое применения информационно-технических и иных средств. Сам же базисный процесс сохранили свою «естественность» и не вошел в готовое для него иное, «искусственное» бытие, продолжая зависеть от субъективной случайности аналитиков, консультантов, их чувствительности к объективной логике интеллектуального процесса, всех типов социокультурных и деятельностных отношений. Субъективная динамика сохраняет свою хаотичность и самовыраженческое начало, несколько корректируясь в зависимости от рефлексивного опыта и участия в культурных и научных средах.

В то же время и в науке, и в культуре происходили огромные сдвиги, создающие качественно иную ситуацию в интеллектуальном «производстве». С одной стороны, масштабы и повсеместность научных и конструкторских разработок вносили

рутинизацию интеллектуальных процедур, требований к ним, например, требований ВАК к защищаемым диссертациям. Входящие в науку и научно-конструкторское пространство вынуждены были осваивать требования, рамки форм, методов, технологий, без демонстрации освоенности которых возможность защиты и успеха в научной карьере становилась призрачной. При всей компромиссности реального предъявления требований «всеобуч» приносил свои результаты.

С другой стороны, издавна философия удерживала разработки требований к мыслительной практике, ее логико-семиотического обеспечения. Она порождала необходимую предпосылку распространения логико-семиотических и онтологических требований в практике, ее высоконасыщенным интеллектуальной изощренностью звеньев.

Промежуточным типом трансляции мыслительной культуры выступала конструкторская и вообще инновационная практика, изобретательство. Однако рефлексивное оформление изобретательской практики сохранялось на очень низком уровне и зависело от чувствительности к рефлексии и талантливости изобретателей, инноваторов вообще.

В силу национального и этнического менталитета в СССР был огромный поток открытий, изобретений, стимулированный управленческими усилиями в оборонной сфере. Но этот поток, океан открытий и изобретений не обрастал механизмами внедрения. Неслучайно, что вместе с началом реформенного процесса инновационные накопления стали дешевым товаром на зарубежном рынке интеллектуальных услуг, имеющим развитые механизмы внедрения. Но в СССР возникла еще одна составляющая трансляционного механизма, до сих пор остающаяся национальным достоянием, хотя и без систематической поддержки государства и общества. В середине 50-х г.г. XX века логические разработки перешли в фазу методологических разработок (А.А.Зиновьев, Г.П.Щедровицкий и др.). Применение логических форм и мыслительных средств стало рефлексивно сопровождаемым, регулярно применяемым в практике специально организованных дискуссий (Щедровицкий 1995, 1997, 2005; Анисимов 1996, 2004, 2007). «Естественное» в мыслительной практике обрело «искусственное», морфология мысли получала форму, и качество мысли стало быстро расти. Неслучайно, прошедшие школу методологических кружков, если сохранять внимание на лучших образцах носителей практики подобного типа, резко отличались от «обычных» профессионалов.

Можно было бы сказать словами Аристотеля, что материя мысли получила свою форму и стало «нечто соответствующим», а Гегель бы добавил, что несущественное в мысли обретало свою существенность за счет выявления сущности в рефлексивном сопровождении. Вместе с преодолением барьера, отделяющего морфологическое

самовыражение мыслителя от организованного, на базе логико-мыслительных и рефлексивных форм, ответственного за реализующего требования формы мыслителя возникает перспектива профессионализации интеллектуальной практики.

Наряду со стихией перехода границы барьера, наблюдаемой в истории методологического сообщества возникали попытки придать этому переходу организованный характер. Еще Кант, а затем Фихте подчеркивали, что «чистое мышление» неосуществимо без развития субъективных механизмов и Гегель ввел панораму пути развития духа, на основе которой можно было строить стратегию культурного развития мыслителя (см. также: Анисимов 2000).

Поскольку базисным процессом в методологии выступала рефлексивная коммуникация и введение арбитражно-организационной направленности, то мы использовали специальный метод работы с текстами, выработанный нами ранее, для обучения неслучайно организации и самоорганизации в методологическом становлении (см. Анисимов 2001, 2007).

В основе линии оискусствления рефлексивно-методологических процедур и способностей лежало обращение к внешним семиотическим и логическим опорам в преодолении самовыражения в мышлении и мыслекоммуникации.

Трудности в непосредственном понимании и критика преодолевались за счет схематизации текста, конспектирования – с одной стороны, схематизации смыслов и построения схематических изображений – с другой стороны, введения логических схем, особенно в рамках идеи «восхождения» от абстрактного к конкретному – с третьей стороны, а также рефлексивного сопровождения и введения специальных средств рефлексивной схематизации как результата парадигматизации версий языка теории деятельности, сложившегося в методологической практике. Мы использовали «Метод работы с текстами» (МРТ как условие и средство становления мыслителя и его методологического обретения).

Почему появление методологии и развитие методологии создало достаточные условия для профессионализации способностей консультантов?

Потому что за счет кооперации с консультируемым, введения рефлексивно-консультационной надстройки над ним первичные процессы выработки консультационных подсказок трансформировались за счет введения критериев не столько в плане содержания, что характерно для дометодологических форм совершенствования консультирования, сколько за счет введения критериев в плане форм и средств оформления.

Именно эти формы и средства разрабатываются в методологии. Благодаря оформлению и средственному обеспечению появляется возможность постановки и решения профессиональных задач и проблем. Специфика состоит в том, что задачи и проблемы ставятся в рамках высокоинтеллектуальной, рефлексивно самоорганизованной практике.

Акмеологические исследования и разработки показали, что устранение неопределенности в профессиональных оценках и оценках профессиональности тесно связано с введением уровней развитости профессионализма. Их учет и использование в качестве аналитических средств не только устраняет неопределенность и хаотичность дискуссий о качестве профессиональной деятельности, но и обеспечивает планирование роста профессионализма, а также роста потенциала успешности и достижения вершин («акме») результативности и профессионально-жизненного самовыражения (Деркач, 2000, 2004). Для введения критериальной системы, «лестницы» уровней требуется своя критериальная база, обладающая более высоким уровнем обобщенности, абстрактности. Мы опирались на свою парадигму различий (2004, 2005).

Мы различаем, в самом простейшем разложении, три уровня профессионализма.

На первом, «допрофессиональном» или дилетантском, уровне специалист переносит в новый тип деятельности стереотипы прошлого опыта вне соотнесенности с набором специфических требований к типу деятельности. Поэтому по морфологическому критерию системного анализа он считается профессионалом, но не имеет формных характеристик и этим не обладает неслучайностью решения поставленных профессиональных задач и, тем более, проблем. Количественные накопления опыта усложняют, но не меняют характера самоорганизации специалиста и не вносят определенности и надежности в базисные процессы. Дополнительные стереотипы остаются случайными с точки зрения сущности типа деятельности.

На втором уровне, «рутинном», специалист осваивает, опознает внутренние для типа деятельности особенности, соответствующие формы, приобретает субъективные особенности, способности и может успешно решать необходимый минимум типовых профессиональных задач, обеспечивающих успешность деятельности в стабильных условиях.

На третьем уровне, инновационном, фокус внимания перемещается от задач к проблемам и от специалиста требуются способности к постановке проблем и их решению, опираясь на способность к решению профессиональных задач. Такие способности необходимы в условиях неопределенности, нестабильности, развития, инноватики и т.п.

Тем самым, если не выделяются типовые профессиональные задачи в фиксированном типе деятельности, то нельзя говорить о перспективе профессионализации.

Тип деятельности сам может быть, в рамках базисного процесса, реагирующим на новизну, неопределенность, хаотичность, неразвитость и т.п., как это и происходит в аналитике, консалтинге, методологии, игротехнике, педагогической деятельности, в науке и т.п. Однако никто не будет возражать на то, что и у ученого, педагога, инженера-новатора и т.д. – выделяемы задачи. Они выделяемы и у педагога-игротехника, методолога, аналитика, консультанта. Их задачи существенно отличимы от задач станочника, ремесленника и т.п., хотя и у них наряду с задачами возникают проблемные ситуации, рефлексивные отношения к ситуациям, непредсказуемости, возможность творческого проявления.

В то же время необходимо пояснить, что мы понимаем, когда говорим о «профессиональной задаче».

Задача, как она сложилась в современной науке о мышлении, процедура решения задачи включает в себя понимание «исходных условий», «вопроса» и поиск в содержании условий ответа как «искомого» для «неизвестного».

Содержание вопроса фиксировано, и оно с неизбежностью является более абстрактным, чем содержание условий. Содержание вопроса вычленяется из содержаний той или иной абстракции, теории, обобщенного представления по теме задачи (см.: Анисимов 2005). Если мыслительная форма «решение задач» возникла в математике, подобных по строгости применяемых научных предметах и дисциплинах, то она перешла как мыслительная форма – во все процедуры в мыслительной составляющей деятельности.

Поскольку эта форма остается культурно-периферической в реальной практике деятельности и при выделенности текстов «задач» сам мыслительный процесс остается неорганизованным, хаотичным, насыщенным самовыраженческой случайностью, то мы стали переходить к процессуальному оформлению процедур.

Мы ввели в качестве единицы самоорганизации циклы, включающие задавание вопроса и созидание ответов. Вопросы, по содержанию, извлекаются из самой мыслительной формы «решения задач», а затем и «постановки проблем». В этом случае и то, и другое стали фокусированными вариантами универсальной процедуры соотнесения «субъекта» и «предиката» мысли.

В случае решения задач неменяющимся остается предикат, а в случае постановки проблем – меняющимся становится предикат при неизменном субъекте мысли.

Подобные процедуры мы обрабатывали еще с начала 90-х г.г. XX в. Но они тогда предстояли как один из факультативов общей линии культуры мышления. Сейчас мы их рассматриваем как универсальные основания всех мыслительных процедур. Даже в случае самоорганизации исполнителя, ремесленника они позволяют контролировать реализацию технологических норм.

В условиях управленческой коммуникации, рефлексивных разборок, консультационных и аналитических взаимодействий такие процедуры выводят всю базисную работу консультантов, аналитиков, управленцев, игротехников на контролируемый внутри и вне – режим. Именно отсюда и возникает задачная форма и уровень профессионализма. Затем она перетекает на уровень выше и из «рутинного» переходит в «инновационный тип профессионализма. Более того, сам инновационный профессионализм имеет потенциал обретения задачной формы, если профессионал вовлекает более высокие абстрактные основания.

В игровом моделировании при реализации рамок «организационно-деятельностных игр» (ОДИ) (см. Щедровицкий 1995; Анисимов 2006) иногда вводятся высокоабстрактные основания для управления игровым процессом. Они чаще всего состоят из комплексных теоретико-деятельностных, мыследеятельностных, системомыследеятельностных схем. Однако мы вводим также онтологические схемы, приближающиеся к мировидческим высшим абстракциям.

Создав концепцию уровней развитости механизма принятия решений и совместив ее с опытом философско-онтологической аналитики по «Книге Перемен» мы поняли, что сложившаяся практика рефлексивного мышления управленца, аналитика, консультанта остается в стороне от подобных процедур древних мыслителей, сохранных, например, в современном Китае. Учитывая возможности тех различий, которые мы видим у Платона, Аристотеля мы можем быстро довести уровень до китайских гексаграмм, но только после полномасштабного овладения понятийно-категориальным уровнем в культуре мышления. Более того, можно превзойти и китайскую технику анализа, если учесть опыт мышления Гегеля, овладеть его псевдогенетическим методом (Анисимов 2006).

Тем самым, мы хотим подчеркнуть, что введение ценности роста уровня профессионализма консультантов, ценности сочетания рутинного и инновационного профессионализма, высшего уровня профессионализма имеет в современной методологии всю «технологическую» подготовленность. Она может быть реализована и в доигровой, и в игровой форме. Но это уже совершенно другие образцы и эталоны профессионального мышления и деятельности. Они полнокровно связаны с использованием средств и методов

системного подхода, включают в себя применение высших абстракций, онтологий. Именно такая аналитика и консалтинг адекватна самым строгим притязаниям и требованиям стратегического управления.

С другой стороны, подобные внутритиподеятельностные новации превращаются в конкретные условия профессионализации консультационного сообщества. Профессиональному оформлению должны подвергнуться все составляющие реального механизма консультационной мыследеятельности, включая собственно мышление, мыслекоммуникацию с техникой введения авторской точки зрения, понимания иных точек зрения, критики точки зрения, арбитража многих противопоставленных мнений, организации мыслекоммуникативного взаимодействия, рефлексирования с техникой реконструкции ситуаций и действий, проблематизации и депроблематизации действий, прогнозирования действий, общения с техникой перехода от конфликтов к согласованиям, идентификации с партнером, вхождения в согласованное действие, пребывание и выхода из него, рефлексивной самоорганизации, включая самоопределение, самоотношение, самокорректирование и т.п.

Во все слои мыследеятельности, которые реально возникают в консультационном взаимодействии с партнерами, должна быть внесена консервативная и динамическая форма, неслучайность, на основе чего и возникает профессиональная ответственность. Благодаря этому же в отношениях между самими консультантами, как в рабочем процессе, так и в клубных условиях возникнет профессиональная определенность, учитывающая и рутину решения консультационных задач, и ситуационно значимую проблематизацию, и гибкость клубных отношений, возможности сплочения без утери экономической самостоятельности и корректности. Иной вид примет и профессиональная кооперативность, так как на индивидуальныне рамки вызовут к жизни этические нормировки, культуру отношений и возможность профессионального одухотворения.

Естественно, что подобная перспектива несет с собой не только индивидуальное и групповое, общее для сообщества благо, но и благо для всех консультируемых и России в целом.

### **Литература.**

1. Анисимов О.С. методология: функция, сущность, становление. – М., Экономика. 1996.
2. Анисимов О.С. Гегель: мышление и развитие. – М., Агровестник., 2000.
3. Анисимов О.С. «Метод работы с текстами» и интеллектуальное развитие. – М. – Агровестник. 2001.



4. Анисимов О.С. Методологический словарь для стратегов. – М. ФГОУ Рос АКО, 2004.
5. Анисимов О.С. Принятие управленческих решений: методология и технология. – М. ФГОУ Рос АКО, 2004.
6. Анисимов О.С. Методология на рубеже веков (к 50 летию ММК). – М. ФГОУ Рос АКО, 2004.
7. Анисимов О.С. Теоретическая психология и понятийная парадигма. – М. ФГОУ Рос АКО, 2005.
8. Анисимов О.С. «И Цзин Чжоу И» как шедевр акмеологической мысли. – М. ФГОУ Рос АКО, 2006.
9. Анисимов О.С. Развивающие игры. Игротехника. Методология. – М. ФГОУ Рос АКО, 2006. т.1 и 2.
10. Анисимов О.С. Методологическая парадигма (опыт ММПК). – М. ФГОУ Рос АКО, 2007.
11. Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. – М., 2000. кн. 1-5.
12. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. – М.-Воронеж, 2004.
13. Дудченко В.С. Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования. – М., 2004.
14. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М., Шк. культ. полит. 1995.
15. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М., Шк. культ. Полит. 1997.
16. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. – М., Наследие ММК. 2005.